

СМУТА КАК ХРОНИЧЕСКАЯ РУССКАЯ БОЛЕЗНЬ

Размышления над страницами книги Ивана Полуянова «Самозванцы»

Ивана Полуянова еще в студенческие годы поразила история Смутного времени конца XVI – начала XVII веков. Много позже возник дерзкий замысел: собрать и переработать необъятный исторический материал и написать художественное полотно такого масштаба, какого еще не было на Руси. Опыт М. Карамзина, М. Загоскина, А. Пушкина, А. Толстого, Л. Бородина говорил: эта тема насколько увлекательна, настолько и опасна – только М. Карамзину и Л. Бородину удалось разбудить воображение читателей и растопить холодные сердца критиков... Белинский, к слову, «Бориса Годунова» не принял сразу, более того – обвинил Пушкина в поверхностности!.. С тех пор над этим произведением гения довлел какое-то проклятие – все до одной постановки «Бориса...» в театре и кино терпят провал (опера не в счет).

Полуянов понимал: необходимо не просто знание и познание истории того времени, оно должно превзойти по своей мощи все то, что было сделано предшественниками.

Полтора десятилетия писатель изучал научную и художественную литературу, летописи, трудился в архивах (даже в архиве Ватикана!), консультировался у ведущих ученых, вновь и вновь перечитывал тысячи и тысячи документов. В итоге получилось грандиозное, эпохальное произведение на «заданную тему», не имеющее себе равных как по объему (50 печатных листов), так и по степени «погруженности» в материал.

Авторские попытки опубликовать книгу раз за разом терпели неудачу – московские издатели отступали перед «эдакой громадиной», а в одном из «издательских домов» то ли случайно, то ли специально рукопись просто-напросто потеряли. Счастье, что сохранился ее электронный вариант – повторить подвиг своего тезки Ивана Карамзина, после пожара восстановившего «Историю государства Российского», восьмидесятилетний Полуянов уже не смог. Лишь в конце 2005 года роман увидел свет – он вышел в Вологде в издательстве «Книжное наследие».

Самое замечательное и самое удивительное в книге – ее язык. Иван Полуянов первым из писателей, поднимавших тему Смуты, решился во всей пол-

ноте воссоздать язык того времени, и этот риск себя оправдал. Помогли ему и собственные изыскания (одно из свидетельств подобных стараний всей его жизни – книга «Месяцеслов»), и сам заповеданный Вологодский Север – рай для диалектологов и фольклористов. Вологодчина донныне сохранила древние формы русского слова: «братовья», «седни», «новье» и т.п. – только складывай в ларец самоцветы, этого добра всем хватит! А какие изумительные и шикарные диалоги выстраивает писатель – уму непостижимо!

Знание языка эпохи у Полуянова действительно выдающееся. Задействована не только многослойная и многостилевая лексика, но и пословицы, поговорки, песни, – и все это опирается на великолепное знание деталей, которые не только видишь, но и слышишь, и осязаешь:

«До свету приступила Красная площадь вбирать людские потоки. Горожане и пришлые богомольцы, ходоки по приказам с челобитными, иноземные гости: тесное скопилось месиво. Посадские в зипунах и кошулях, бойкие на язык торговки в меховых каптурах, рогатых киках. Татарские полосатые халаты и лисьи малахаи кызылбашей, рыжие, крашенные хной бороды персов и бритые, голые будто девичье колено, лица немчинов. Шляпы с перьями, камзолы и опять овчинные тулупы, шубы...

Пар дыхания зыбок. Снег скрипуч. Тускл свет слюдяных фонарей вдоль живого коридора стрельцов, выставленных от государевых палат к собору Успенья.

Фроловская башня послала утреннее часобитье. Таяли мелодичные переборы, замирая певуче, и их, и гомон толп накрыло тяжким громовым рыком. «Бум-м!» – ударил колокол-реут в срубе у столпа Ивана Великого. Двадцать четыре звонаря раскачивают язык махины. Постепенно раскаты обрели ритм, чтобы в великом городе и вокруг на десяток верст в полях, селах, борах-раменьях заблаговестило, завыговаривало зычно:

- Го... Го-о... Го-ду... ду...но... вы-ы-ы...».

Какой роскошный «костюмный» фильм можно поставить по книге Полуянова - он так и просится на экран (а если не на экран, то в «Роман-газету» – совершенно точно!).

Впрочем, иногда читатель вынужден искать словарь: «Мальчик тряс вихрами:

- Не... Не-а... До свету надоть на тот берег. Вплавь, дак перемокну. Семка попался, рейтары насмерть запинали. А я шпиг, да? Шпиг?».

Еще Н. Гоголь замечал, что язык древнего времени должен вводиться в текст осторожно, в меру, чтобы не терялся смысл. У Полуянова, к счастью, таких сбоев немного. Более существенные просчеты видны там, где авторская речь сливается с речью персонажей, а ведь авторский голос обязан звучать обособленно, автор – один из главных героев романа.

Сюжет книги ожидаем: великая «замятня», историческая российская катастрофа раскола... «Свои, наши по обе стороны пропасти, в одночасье раско-

ловшей отчину... Русь на Русь ополчилась!». Загадочная и поныне гибель цареви́ча Дми́трия, «зеленые годы» – голод в царствование Бориса Годунова, затем распад страны, интервенция, Лжедмитрий Первый, Лжедмитрий Второй («...дважды наступить на одни и те же грабли? А, Русь... У нас все возможно!»), потом народное ополчение, Минин и Пожарский, избрание Михаила Романова на престол... Действие переносится из Углича в Москву, из Москвы – в Вологду, из Вологды – в Елец, «всем вора́м отец», из Ельца – в Устюжну, но центром всех главных событий остается Москва. И причиной смуты – тоже. Еще не родился Александр Грибоедов, разглядевший на «всех московских» особый отпечаток, а в народном сознании все уже было подмечено: «... у нас просто: друг так друг, враг так враг. Не то на Москве – ни в чем толку не дашь». О чем говорить, «ежели у Москвы начлось аж четыре патриарха: Иов, Игнатий Грек, нареченный Филарет Романов и новопоставленный Гермоген с Казани...». И так было и будет всегда: «трещина между Москвой и державой» - «рана, кровоточащая из века в век».

Это не параллель с современностью, это одна линия. И таких примеров в книге – бесконечное множество...

«Близ Каменного моста случилась заминка. Приставы по пути прохождения войск теснили, в задние ряды вколачивали палками посконь и холстину. Вероятно, деревенских ходоков, просителей оказалось больше, были они напористей и прорвали жидкий заслон охранителей порядка.

- Пожалей, милостивец...
- Отошали ноне... Долят подати...
- Мрем с голоду...

Мужицкие сукманные зипуны, холщовые сарафаны бросались под копыта коней, распластывались в лужах, выставляя орущих младенцев.

Белый жеребчик, напуганный воплями, разметал держащих его седатых старцев. К юному всаднику тянулись рванье и лохмотья:

- Хлеба-а...
- Хлеба!

Из свиты выкрик: «В плети их!» – и белого конька заслонили верховые. Упиравшуюся бабу уволокли в проулок за ноги. Подол заголился, ревела подурному, не выпуская ребенка:

- Ива-ан! Сусаня, что деют они, что деют?
- Защищая от плетей лицо, нырнул в гогочущую толпу мужик-лапотник:
- Помилосердствуйте, крешеные!

Проезд свободен. Машут платки, взлетают вверх шапки. Рев боевых труб, бой барабанов».

Узнали? Да, это он, Иван Сусанин, между прочим, будущий спаситель царя...

Может, условный рефлекс, неожиданно проявивший себя совсем недавно (когда чуть ли не по всей стране разом исчезла с прилавков соль) – это от-

звук революций и войн XX столетия? Как бы не так! И в веке семнадцатом испугавшиеся слухов простолюдины закупали «про запас» муку, соль и крупы, забивая окна решетками: «Заказов набрано – помешалась Москва на запорах и засовах, на решетках к окнам – робь, не ленись, деньги сами плывут».

А наше знаменитое и отвратительное пресмыкательство перед иностранцами? И соответственно, их презрение к «дикой, варварской» необъятной Скифии: «Межгосударственные договоры обязательны к исполнению русскими, воспитанные же, гуманные европейцы поступают, как им диктует здравый смысл».

Ничего не изменилось в отношениях России и Запада с тех пор. Как мечтал Ватикан привести «народ московский, издавна отпавший от римско-католической церкви и блуждающий во тьме, в лоно святой церкви», так и мечтает; как считал «среднеевропейец», что русские – это «медвежий народ», так и считает. А в Америке обыватели и вовсе убеждены, что ватник и шапка-ушанка – это наша повседневная одежда, по улицам столицы разгуливают медведи (дались им эти медведи!), а жители стольного града томятся в очередях за туалетной бумагой.

Впрочем, об иноплеменниках разговор особый, беда в том, что мы сами даем повод к расколу. Вот и отец Никодим выговаривает центральному персонажу Федору Лупову: « – Кто самозванец-то? Мы! Я, ты, они – мослатые руки проделали широкое круговое движение. – В себе скверна, тычем на соседа: он гаже. Прости Господи, долги наши! Никого себя чище не ищем, страх Божий забыт, людское в себе топчем».

Увы, глас народа – не всегда глас Божий; народное, «демократическое» голосование – еще не конец, «делу венец». И Бориса Годунова избрали «все-народно», и Василия Скопина-Шуйского, и Гришку Отрепьева поначалу считали «истинным» царем (а как быть, если мать царевича Дмитрия прилюдно признала в нем сына?!..). Ошиблись все. В разброд вверглись даже монахи и священники (некоторые из них ушли в лесные «шиши» - разбойники), только патриарх Гермоген и архимандрит Дионисий стояли на своем: чехарда с самозванцами Дмитриями-царевичами (всего их было почти два десятка!) – внешнее следствие неустроенности духовной жизни и «верхов» и «низов». Потакание страстям, самостийное владение землей и волей, забвение Божьих заповедей, церковной и гражданской дисциплины – вот корень всех бед. Разрушился духовный строй жизни – развалилось и русское государство.

Однако голос пастырей церковных не сразу был услышан. Одно дело слышать, другое – внимать... Только когда подошли к самому краю, когда телесные и душевные силы нации были истощены, только тогда обращение патриарха Гермогена дошло и до сердца, и до ума народного, и в Нижнем произошло невиданное: чтобы собрать ополчение и спасти страну, стали отдавать последнее, закладывая жен и детей...

Избрание Михаила Романова царем было тоже из ряда вон выходящим событием: выборщики впервые руководствовались не политическими и не корыстными интересами, а долгом перед державой. Совсем юный, несовершеннолетний Михаил был чуть ли не единственным из княжеских родов, кто не запятнал себя предательством - просто не успел!

На этом история Смуты не закончилась. Начало трехсотлетней династии Романовых было сразу же омрачено дикой смертью еще одного младенца в русской истории. Свершилась постыдная казнь четырехлетнего сына Марины Мнишек и Самозванца: «Ребенок моргал круглыми, какими-то овечьими глазенками. Обступили, заслонили его от зевак палачи.

- Мама, мама!

Зови, не зови, далеко мама! Сказывали осенью 1614 года послы Московии в Польше, якобы Марина Мнишек скончалась в Туле «от тоски по родине».

Детский плач, топотня на помосте.

- Ох, отольются кому-то энти слезы...

«Ужель я проговорился?» – вздрогнул Лупов.

Пушинкой порхнул к небу Иван-царевич – горло перехватило петлей, головенка набок.

В истерике забилась женщина, когда заплечный мастер-кудряш, из усердия к делу, подергал повешенного за ножку:

- Шейку ему оборвешь, злыдень!».

Марина Мнишек, кстати, во многом была сама виновата в гибели сына. Об этом Иван Полуянов ничего не говорит. Ответ находим в другом произведении, в великолепной повести Леонида Бородина «Царица смуты»: «Прикашлянув, Никита осторожно касается руки Марининой, той, что в цепи.

- О сыне думаете ли, как должно?

- А как это должно, по-твоему?

- Как о живом, но кому и далее жить надобно, ибо для жизни рожден, а не для смерти... Жизнь дитя первой всего, первой богатства или сана какого, что родительница для него замыслит и возжелает. Первой прочего обязана жизни способствовать, и грех наитягчайший жизнь дитя в зависимость от удачи ставить...

- Не веришь, потому и не понимаешь... Не посмеют...

- Посмеют. Посмеют, Марья Юрьевна. Бродят еще по Руси шайки воровские, и нет пока нужных сил у царя да боярства последний предел смуте положить. Поляки, шведы, Сечь... Но пуще всего бояться в Москве нового клича самозванского. Народ от покоя отвык и разуверился, как порох, к искре изготовлен. Потому еще как посмеют! Утопят или удавят...

- Не смей! – хрипит Марина. – Известен мне исход... Но когда б вопреки

воле Господней правде моей не свершиться и Романовы руку подняли б на сына моего, то заплатит им тотчас за преступление сие своими детьми и

трона лишиться... Но все не так! Слышишь? Ты – монах. Обряды наши разны, но Господь Бог-то един. Можешь ли подумать, что муку терплю зря по Его воле, что воля Его всего лишь потеха надо мой?

- Кроме Его воли, еще и другая воля есть...

- Не смей! – из последних сил шепчет Марина и в изнеможении откидывается спиной на сырой камень стены. Не видит креста и не слышит тихой молитвы однорукого чернеца.

Иван Полуянов признался однажды: образцом, от которого он отталкивался в своих художественных исканиях, был «Тихий Дон». Действительно, злключения главного героя Федора Лупова чем-то напоминают метания Григория Мелехова – кидает его из стороны в сторону: то в государевы люди, то в побирушки, то в разбойники. Только ростом не вышел Федор против Григория – мелковат для эпического героя, нет в нем ни подлинной страсти, ни дерзости, ни удалы молодецкой. Да и любовная история Федора и его ненаглядной Дарьи дана как-то пунктирно, а гибель этой пары в конце произведения выписана настолько искусственно и торопливо, что говорить даже об отдаленном сходстве с трагической развязкой романа Шолохова просто неловко.

По жанру произведение Полуянова – не роман, в центре которого судьбы героев, а историческая хроника, вполне самодостаточная и без вымышленных персонажей, тем более что автор каждый раз возвращается к ним после чересчур длительных пауз – так что читатель с трудом вспоминает, что же происходило с героями ранее.

Писатель слишком увлечен пересказом исторических событий, текст перегружен излишними подробностями и перенаселен именами, которые мало что говорят неискушенному читателю. Стремление передать в диалогах дыхание времени само по себе похвально, но оно должно опираться на авторские комментарии, а они слишком скудны, в них мало собственно поэзии, той внутренней лиричности, которая должна поднимать смысловой уровень произведения до эпических высот. «Задача романа как художественного произведения, - отмечал В. Белинский, - совлечь все случайное с ежедневной жизни и с исторических событий, проникнуть до их сокровенного сердца – до животворной идеи, сделать сосудом духа и разума внешнее и разрозненное. От глубины основной идеи и от силы, с которою она организуется в отдельных особенностях, зависит большая или меньшая художественность романа».

Думается, что историк в данном случае победил художника – не случайно Иван Полуянов не смог определить жанр собственного детища, оставив расплывчатый подзаголовок: «По хроникам великой смуты конца XVI – начала XVII веков»...

А что же можем взять для себя из этой замечательной книги мы, свидетели и современники очередной национальной катастрофы, каждый раз как по заказу терзающей Россию на стыке столетий? Неужели смута превратилась в наследственное заболевание?..

Да, у нашего смутного времени тяжелый взгляд исподлобья: разрушена страна, сменился уклад, поменялись ценности, низвергнуты авторитеты, остались одни лишь шуты в бесполезных для России партиях.

Смута, в отличие от бунта, никогда не бывает короткой, и длится она годами и десятилетиями. Это духовная болезнь, тяжелая и гибельная для многих, но излечимая в принципе. А для выздоровления требуется свой, только Богу известный срок.

Внутри национального организма, в духовном теле России идет незримая битва за жизнь. Способность к самоорганизации не угасла - она проявляется не в тех формах, которых ждали: народного ополчения, путча или власти толпы. Народ не безмолвствует, он с достоинством – единственный! – сохраняет родную для него страну.

Все империи рушились от падения нравов, от идолопоклонства и забвения духовных начал. Господь выгнал из храма торгующих и менял (банкиров), а мы наш общий храм – Россию - сделали вертепом разбойников. Уже и Патриарх говорит о «духовной агрессии»... Как и тогда, в семнадцатом веке, мы стоим перед выбором: сумеем сохранить свою веру, национальные ценности, или погибнем под напором чуждой западной цивилизации?

Легкой жизни в ближайшие годы не будет (А. Солженицын: «Праздников не ждите»), но разброд заканчивается. Мы обманулись, но не обмануты. Мы согрешили, но есть еще время для исправления. И пока не будет в русском народе подлинного покаяния – перед Богом, а не другими народами – о наших и только наших грехах: убитых во чреве и брошенных детях, воровстве, пьянстве – не будет и спасения.

Россия вымирает – этот факт стал трагической реальностью, но и он преодолим. На войне как на войне – будем воевать не числом, а умением.

Сила рождается в немощи. Появится и национальный лидер – только когда созреет само общество, когда атмосфера станет грозовой. Надо искать правду в народе, в церкви, в обычных приходах, скрепляющих собой духовное пространство Руси.

«Россия гибнет», - говорят иные, но она не гибнет, она больна.

Но эта болезнь – не к смерти.